

Караев Ф.

28/11/87

Ф. КАРАЕВ:

«УЧИТЬСЯ СЛУШАТЬ МУЗЫКУ»

Фарадж Караев. Композитор. С его именем и профессиональные музыканты, и любители музыки связывают произведения яркие и самобытные, которые подчас вызывают неоднозначную реакцию, но главное — никого не оставляют равнодушным.

Сегодня Фарадж Караев — автор многих сочинений различных жанров, хорошо известных у нас в стране и за рубежом. Он заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР, доцент Азербайджанской государственной консерватории.

— Трудно ли быть Караевым?

— Очень трудно. Я уже был отцом взрослого сына, а меня еще представляли как сына Кара Караева. Это и усложняло мою жизнь, и, с другой стороны, ко многому обязывало. Работал и словно чувствовал на себе любопытные и вопрошающие взгляды окружающих. Ведь найти свой путь в музыке — удел немногих. Как сказал один умный человек, между людьми, пишущими музыку, и композиторами — колоссальная пропасть. Не каждый сочинитель становится композитором...

— Наверное, ни у кого се-

годня не вызывает сомнения, что рабочие династии — это хорошо, так почему бы не быть и творческим династиям?

— Это, бесспорно, так. Ибо в такого рода династиях от поколения к поколению накапливается опыт. Опыт общения с музыкой, искусством, опыт артистической деятельности. Главное, чтобы преемственность не была формальной, чтобы сыновья достойно продолжали дело отцов.

— Какое произведение вы считаете отправной точкой, с которой вы начались как композитор? «Тени Кобыстана»?

— Нет, это сочинение появилось значительно позже. Кстати, мне отчетливо видны все несовершенства музыки этого балета.

Я бы, наверное, поставил № 1 на «Сонате для двух исполнителей», написанной в 1976 году, то есть через десять лет после окончания консерватории. Это произведение стало для меня этапным. Оно было, по моему мнению, первым сочинением, после которого я сам мог относиться к себе как к индивидуальности.

За минувшее десятилетие написал не так уж много. Наиболее близки прошальной симфония в память об отце, учителе, друге. Хотелось бы

назвать еще такие произведения, как «Я простился с Моцартом на Карловом мосту в Праге», вокальную монограмму «Путешествие к любви» на стихи поэтов XX века для сопрано с камерным оркестром, музыку «В ожидании Годо» по пьесе Сэмюэла Беккета.

— Можно ли по произведению увидеть личность ее создателя?

— Все, что пишет композитор, — это отражение его внутреннего мира. Как верно сказал поэт, «миг музыки переживает века, когда его природа глубока...»

— Изменяется ли, по-вашему, интерес публики, и в частности молодежи, к симфонической музыке?

— Как мне кажется, популярность серьезной музыки не растет. И даже снижается. Далеко не всегда концертные залы заполнены до отказа. Пустые ряды на фестивалях «Московская осень» не могут не вызывать чувства досады. Правда, существует определенное обаяние имен некоторых композиторов, завоеванное их талантом, который привлекает истинных ценителей музыки. На их премьеры и просто концерты билет свобод-

но не купишь. Но это скорее исключение...

— А в чем вы видите причину полупустых залов?

— Молодежь, да и не только она, зачастую приходит в концертный зал отдохнуть. Конечно, в самом желании расслабиться, отвлечься от повседневных забот нет ничего плохого. Но как можно лишить себя удовольствия послушать серьезные, философские вещи? Симфоническая музыка заставляет напряженно работать ум.

— Многие говорят, что они просто не понимают серьезную музыку...

— Прежде всего нужно захотеть ее понять и полюбить. Я уверен, что любой заинтересованный слушатель в состоянии воспринять самое сложное произведение. Конечно, если он имеет определенный коэффициент развития, знает, кто такой Шекспир и хотя бы слышал о Бахе.

Одна из почитательниц таланта американского писателя Уильяма Фолкнера как-то при встрече с ним сказала: «Я прочитала ваш роман «Шум и ярость» и ничего в нем не поняла. Скажите, что мне делать?». И Фолкнер ответил: «Ну, прочтите еще два раза». То же самое и с музыкой.

Нужно учиться слушать ее постоянно, не пытаясь «влюбить» себя, как говорится, «с первого взгляда».

— Как вы относитесь к легкой музыке и джазу?

— Вы знаете, легкая музыка, на мой взгляд, становится сегодня все более и более серьезной. Произведения, исполняемые некоторыми оркестрами с традиционным «развлекательным» составом инструментов, тоже требуют достаточно высокого уровня восприятия.

А джаз — это настоящая, серьезная музыка. Я давний его поклонник, сам играл и писал джазовые пьесы. Сейчас у нас много прекрасных музыкантов-импровизаторов, и, несомненно, именно благодаря им джаз завоевал такую популярность. Привлеченная «легким» составом инструментов, молодежь охотно идет на их выступления и получает нечто более значительное, чем то, что ожидала.

— Думаю, вы согласитесь, что научиться самому слушать и понимать серьезную музыку не так уж легко. Видимо, здесь требуется помощь со стороны профессионалов?

— Приучать к настоящей музыке следует с раннего детства. И делать это по-настоящему умно, талантливо и популярно. В общем, так, как вел свои занятия Дмитрий Борисович Кабалевский.

М. КРАНС.